

**Постантропологический подход к анализу практик забвения и памятования
культурной среды**

Научный руководитель – Венкова Алина Владимировна

Татищев Александр Андреевич

Сотрудник

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт философии человека, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ksandr.taiev@gmail.com

Чернобыльская трагедия 1986 года кардинально изменила современный интеллектуальный дискурс в разговоре о влиянии человеческой деятельности на природу как на пространство совместного пребывания человека и не-человека. Авария на АЭС, повлекшая за собой «покидание» и в некотором смысле «забытие» некогда культурной среды, утвердила постгуманистические и радикальные экософские тезисы «против» трансгуманистической философии 80-х годов, уповавшей на безграничные возможности научно-технического прогресса и окончательное подчинение человеком природы. Однако в повседневной и художественной культуре г. Припять (Чернобыль) стал настоящим феноменом, с одной стороны, олицетворяющим страх и ужас техногенных катастроф, а с другой, породившим эстетику «города-призрака» как особого пространства, исключаящего человека, но хранящего память о былой культурной жизни. Таким образом, «город-призрак» становится для посетителей средой, главным смыслом которой является сам факт утверждения потери жизни.

Сегодня культурной практикой памятования забытых человеческих пространств является широкий спектр индустриального туризма как формы исследования городского пространства, часто скрытого из поля зрения горожанина. Исследование «заброшенных» мест является главной особенностью «сталкерства» (проникновение на заброшенные территории) и «диггерства» (проникновение в подземные сооружения), двух субкультурных феноменов, снижавших сегодня новый виток популярности благодаря развитию интернета и новым культурным формам получения эмоциональных и чувственных переживаний. Не менее важной, но часто упускаемой, практикой является само оставление и забвение культурного пространства. Большинство исследователей отмечают, что причиной для становления «оставленных» сооружений и даже «городов-призраков» являются экономические и природные факторы, не позволяющие актуализировать, восстановить территорию [3]. Однако решение оставления и забвения пространств позволяет превратить данную среду в зачастую неофициальный памятник среди непрошенных туристов, и наполнить «неживую» среду новыми значениями, в основе которых почти всегда лежит чувство меланхоличности, тревоги, опустошения и даже страха. Именно такие значения можно увидеть в хоррор-кинематографе, литературе и игровой индустрии, где «город-призрак» обретает свою вторую, не-человеческую жизнь после оставления. Если для искусства заброшенные пространства и даже целые города часто выступают местом, аккумулирующим нечто злое, то современная постантропологическая философия рассматривает приобретенные значения иначе.

Для классического постгуманистического дискурса брошенные культурные пространства становятся примером дихотомии «природа-культура» и одновременно картиной борьбы, где естественные природные процессы одновременно разрушают и задают новую жизнь потерявшим ценность искусственным местам. Само отношение постгуманистов к практике забвения отрицательно: «Вместо того чтобы возводить новые здания, они [люди – А.

А.] должны сосредоточиться на восстановлении брошенных строений и многочисленных локаций ... Для этого потребуются наладить управление экосистемами и экологическую инженерию, которыми надо заниматься, пока не будет восстановлен динамический баланс и пока человеческое влияние не снизится до такого уровня, что можно будет сохранять совместное обитание и сосуществование множества видов. Этот подход созвучен понятию “многовидовой справедливости” ... С политической и экономической точки зрения мы должны привнести в дискуссию мировоззрение “земной демократии” ... Люди должны учитывать мир и суверенность всех живых существ» [4, с. 270-271]. Однако философы спекулятивного реализма и нового материализма и витализма показывают положительную сторону процесса забвения: лишь теряя связь с человеческим присутствием, все, что не поддается культурной категоризации, обретают свою независимую жизнь. Бен Вударт в своей работе «Динамика слизи» отчетливо показывает, почему в компьютерных играх жанра survival horror (как одна из художественных форм представления заброшенных мест), главные герои которых часто сталкиваются с абъектным в не-человеческих пространствах, постоянно присутствует мотив жидкости, слизи и неоформленного. «Слизь» становится общим названием жизнепорождающей полутвёрдой субстанции в физическом смысле, и отвратительность жизни в метафизической. Игнорирование слизи как живого начала есть следствие из ложного толкования смысла эволюции как постоянного улучшения. Такое представление предполагает, что со временем человеческая склизкость (то есть природное начало) просто исчезнет, и именно поэтому культура и ее подсистемы работают над тем, чтобы ускорить этот процесс «очищения», отрывая человека от его базисной материальной природы, и превращая его в «культурное творение» [2]. Таким образом, центральным вопросом спекулятивной философии становится не дихотомия «природа-культура», а «живое-мертвое», где размывание границы между одушевленным и неодушевленным соответствует квантовому подходу к физике существования [4, с. 30]. Схожим образом размышляет и Джейн Беннет, представительница нового витализма, для которой оставленный материальный мир культуры обладает собственной витальностью и жизненной силой [1, с. 1]. Витальность, в понимании Беннетт, – это способность вещей (заброшенных зданий, мусора, природных явлений и др.) действовать подобно квазиагентам, силам, у которых есть собственные склонности, траектории и тенденции, в том числе в участии в создании общего будущего, влиянии на развитие природы и культуры. В ее подходе к анализу забытых человеком объектов материальной культуры живая, агентная и потенциальная материя приходит на смену образу инструментализированной материи, которая питает человеческие фантазии и желание освоения, завоевания. Образ неживой материи скрывает от человека широкий диапазон нечеловеческих сил, и каждый раз обнаруживая ее [материю - А. А.], та активность и сила, которые ей присущи, изображается в виде наших собственных действий, смыслов, настроений и идеологий [1, с. 4].

Таким образом в центре философского осмысления культурных практик забвения и хаотичного памятования становится утверждение самого явления как «жизнь», которое противостоит привычному анализу культурного восприятия заброшенных пространств как безжизненных, мертвых, зачастую апокалиптических мест, которые человек посещает не только с целью эстетического проживания, но и столкновения со стрессовыми, негативными переживаниями как одной из форм современного досуга.

Источники и литература

- 1) Беннет Д. Пульсирующая материя: политическая экология вещей / Д. Беннет. – Пермь: Гиле Пресс, 2018 – С. 1–4.
- 2) Вударт Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / пер. с англ. Д. Хамис. – Пермь: Гиле Пресс, 2016 – С. 12.

- 3) Иванова Е.О. К вопросу об исследовании "городов-призраков" // Вестник магистратуры. – 2016. – №4-3 (55). – С. 19–22.
- 4) Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С. 30–271.